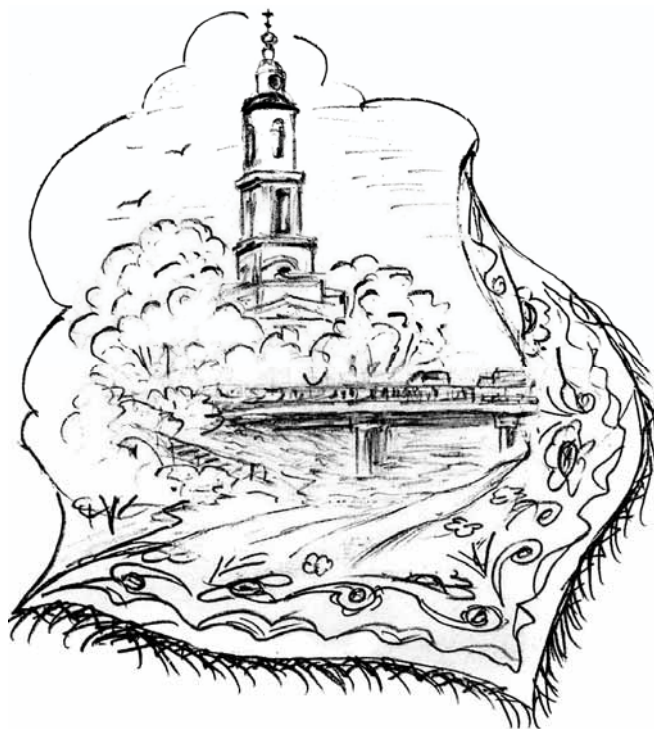

Николай Кружков

Лирическая летопись моя

*Избранные стихи о малой родине
и пейзажная лирика*

Павловский Посад
2013 г.

*Управление по культуре, спорту и работе
с молодёжью администрации Павлово-Посадского
муниципального района Московской области*

В десятой книге известного павловопосадского поэта
Николая Кружкова представлен цикл его избранных
стихотворений о малой родине и пейзажная лирика.

Составитель Виктор Ситнов.

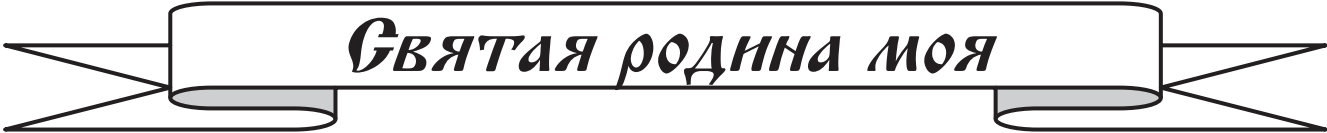

Издание осуществлено по инициативе
МУК «РП КМЦ» и литературного объединения «Вохна».
Выпуск сборника приурочен к 60-летию поэта.

Автор рисунка на первой странице – Л.В. Быстрова.

© Кружков Н.Н. Лирическая летопись моя, 2013 г.

© Ситнов В.Ф. Идея проекта, макет, оформление, заключ. статья, 2013 г.

Святая родина моя

Лирическая летопись моя
Про город мой, про быт патриархальный...
Пусть про мои чудесные края
Расскажет друг мой, близкий или дальний...

Не смею я об этом говорить! –
К чему мы только приближаем лица:
Вы увидали красную тут нить,
А я припомнил древнюю столицу.

И я пишу опять: Сосновый бор,
Назарьево, Часовня, Заозерье...
А где же Воскресенский мой собор? –
Никто из вас не вышел из доверья.

И детство, юность, зрелость – всё со мной;
И я опять пишу свои былины,
И наслаждаюсь знойной тишиной,
Речной волной и воздухом долины.

Мой город древний раньше был деревней,
И та деревня Вохною звалась.
Она была чудесней и напевней, –
Как хорошо, что связь не прервалась.

Мой Павловский Посад, церковный город,
Как много значишь ты в моей судьбе,
Ты вечно юный, ты вечно молод, –
И я всё время думал о тебе.

И сколько лет себе твержу упрямо:
Забудь былую скуку и печаль,
Ты только раз взгляни на эти храмы,
Ты только раз взгляни на эту даль.

Мой город древний раньше был деревней,
И та деревня Вохною звалась.
Она была чудесней и напевней, –
Как хорошо, что связь не прервалась!

Святая Родина моя...

Святая Родина моя:
Леса, поля, повсюду дали...
Скажу, надежду затая, –
Мы в жизни много повидали!

Мой тихий Павловский Посад, –
Текут, как прежде, Клязьмы воды...
Тебе уже сто шестьдесят,
Но верь: тебя не старят годы...

Стоял над Вохною Собор,
И колокольня там осталась...
Вдали тропинка затерялась,
Ведущая в Сосновый Бор...

И победить нас не смогли:
Ведь после Куликовской битвы
Мы, как святыню, берегли
Донского Дмитрия молитвы...

Писать историю твою?
Но ведь событий было много...
А что отпущено от Бога,
Я от тебя не утаю...

*Разве это расскажешь? Кому?
И какими словами?*

О. Чухонцев

Это – детство моё. Впрочем, что тут ещё вспоминать?
Бесконечный сиреневый вечер; во мгле предрассветной
Я блуждаю по улицам. Только с чего же начать?
Это детство и юность, и зрелость – и отзвук ответный.

Не с младенчества, с детства я помню пронзительный взгляд
Старой няньки моей и бездонное звёздное небо.
Впрочем, это прошло. И всё это я высказать рад,
Запах сена припомнить и запах печёного хлеба.

Это детство моё. Крутобережной улицы свет
Проступает в окне и пытается с памятью слиться.
Это – дом. Это – сон. Только там никого уже нет,
Это – школа моя, над которой порхает синица.

Это – детство моё. И во что мне окрасить его?
Придорожная пыль мне всё время глаза застилает.
Ничего я не знаю. Не помню уже ничего...
Только память моя все куда-то меня отсылает.

Воспоминания... Осколки...
Мое вчерашнее родство
На Нижне-Вохонской, где ёлки
Я покупал под Рождество.

И с чем сравнится дух еловый,
И как измерить эту даль?
А новый год – он вечно новый,
Он будит старую печаль.

Я по мосту пройду, тоскуя,
Я посмотрю на дно реки.
Ничем я больше не рискую,
Мои родные васильки.

Всё тает в предрассветном дыме,
Всё тонет в предзакатной мгле,
А вы останетесь моими
На этой будничной земле.

Воспоминания... осколки.
Мое вчерашнее родство –
На Нижне-Вохонской, где ёлки
Я покупал под Рождество

Вдоль Клязьмы-реки да вдоль Вохны-реки
Пройду я, шаги мои будут легки...
Всю горечь испить бы из чаши тоски
Вдоль Клязьмы-реки да вдоль Вохны-реки.

А там, на поляне, в Сосновом бору –
Я столько черники ещё соберу.
И медленным шагом пройду я сквозь бор,
Увижу вдали Воскресенский Собор,

Как чист и прозрачен берёзовый свет!
Святой колокольне уже много лет.
Вдоль Клязьмы-реки да вдоль Вохны-реки
Пройду, и шаги мои будут легки.

Всю горечь испить бы из чаши тоски
Вдоль Клязьмы-реки да вдоль Вохны-реки.

Меленки

Ах, вы, Меленки, мои Меленки, —
То ли мельницы, то ли мел:
Всё вы крутитесь, всё вы беленьки, —
Я бы тронуть вас не посмел.

Сколько грусти в том, сколько радости!
Я на Карповской был рождён:
Есть печали в том, есть и сладости, —
Чем же я ещё утомлен?

Ах, вы, Меленки, мои Меленки, —
То ли радость в том, то ли грусть
Перемелются ваши ельники, —
Изучил я вас наизусть...

На старой Вохне

Олегу Чухонцеву

По улице по Крутобережной, —
Не по вчерашней — по теперешней, —
Ветрами пыльными исхлёстанный,
Иду-бреду по былям розданный,
По былям розданный, потерянный,
Отчаявшийся, отчуждённый,
Иду походкою размеренной
С моей строкой соотнесённой...

Что суета, что скорбь мне, —
Печаль моя легка...
Над светлой колокольной
Клубятся облака.
И ясно, что от детства
Мне никуда не деться,
Не скрыться, не забыться,
В реке не утонуться...

Что с улицей, что с Крутобережной?
Мы обращались с ней так бережно...
Мы всей душой стремились к вере, но
Душа душой, а время мечется,
И что потеряно – потеряно,
И эта боль уже не лечится.

Знакомы с духом и со скверной мы.
Что зрелость? Это чувство пресное,
И будничное, не воскресное,
И в этом главное, наверное.

Что суета, что скорбь мне?
Печаль моя легка...
Над светлой колокольной
Клубятся облака.
И ясно, что от детства
Мне никуда не деться,
Не скрыться, не забыться,
В реке не утопиться...

На берегу речушки
Избушка на избушке.
Тоска на Старой Вохне,
Когда слеза не сохнет...

Храм Рождества Богородицы

Я так решил и, как водится,
Всё расскажу о тебе...
Храм Рождества Богородицы,
Что же ты значишь в судьбе?

Курово или Саурово,
Ново-Загарье – вдали –
Видели мальчика хмурого,
Но приручить не смогли...

Где вы, места угро-финские,
Где вы, чудесные сны?
Были бы были былинские
С нами до первой весны.

Я так решил и, как водится,
Всё расскажу о тебе...
Храм Рождества Богородицы,
Что же ты значишь в судьбе?

Что для нас судьбы вселенские,
Что для нас вечный простор?
Жили бы улицы ленские
И колосился бы бор...

Назарьево

Прозрачный воздух чист,
А небо так бездонно...
И электрички свист
Разносится вдали...
Вот мой беспечный лист,
Что ж, это всё резонно,
Назарьево, к тебе
Сегодня мы пришли.

Мы видели зарю,
Мы были на востоке,
И розоватый свет
Окутал рощу вдруг.
Назарьево, творю, —
И вот мои истоки,
А на исходе лет
Ты самый верный друг.

Ты для меня — Псалтырь,
Псалмы твои читаю
И время коротаю
За соснами, в тиши.

Раздайся ввысь и вширь, –
И я вдали растаю,
Назарьево, пишу
Всё это от души.

Мои деревни мне
Все дороги, и всё же
Немеркнувший твой свет
Скользит по облакам...
Я в золотом огне, –
Ты мне всего дороже,
Назарьево, ответ
Я передам векам.

Светает у монастыря...

Олегу Чухонцеву

Светает у монастыря,
Накрапывает дождик редкий...
Мы у кладбищенской беседки
Стоим, о чём-то говоря...

Всё растворяется во мгле:
Кресты, ограды и надгробья,
И света тусклого подобье
Течёт к разбуженной земле...

Протяжный гул со всех сторон,
Движение омута речного...
Чья это тень? Каких ворон?
Какой Харон? Со дна какого?

Туда плывём по одному:
Не окликайте Бога ради!
И тает в утреннем дыму
Всё, остающееся сзади...

Поля в рассветной дымке,
А где-то далеко
Все на волшебном снимке,
И дышится легко.
А там, над Вохной, чайки
Летают вдалеке,
И мы, срывая майки,
Шагаем налегке.

Над Вохною-рекою —
Тоска, тоска, тоска...
К вечернему покою
Слетают облака.
С рассвета до заката —
Стрекозы у реки,
Деревья в три обхвата,
Поля и васильки.

Вдали две колокольни,
И у одной — погост.
Поля ещё раздольней,
И в небе столько звёзд.
И веет тёплый ветер,
А там, среди ветвей
нам обо всем на свете
Расскажет соловей.

А чуть подальше — роща,
Мост и сосновый бор,
Все кажется мне проще, —
Пусть это сущий вздор.
Над Вохною-рекою —
Тоска, тоска, тоска...
К вечернему покою
Слетают облака.

Мой ветхий деревянный дом,
Мое убогое жилище,
Мое родное пепелище,
Я узнаю тебя с трудом.

Прости, мой старый городок,
Ты поступил со мной сурово,
Когда остался я без крова,
Когда надолго занемог.

И я ударился в бега,
И понесло меня по свету,
В те дни как Клязьмы берега
Спускались к Ветхому Завету.

Их путь лежал через Псалтырь, –
Не в Горний град, а в город дольний.
Где оставалась колокольная
И бывший женский монастырь.

Я тосковал ещё сильнее
Все эти дни. Мне грустно было,
И к Крутобережной моей
Речной волной меня прибило.

Я вспомнил сад, где соловей
Неистовствовал под луною,
Когда лежал передо мною
Екклесиаст или Матфей.

И вот я вижу в три окна
Избу и липу у колодца,
И там вода всё так же льётся.
Её не вычерпать до дна.

Здесь столько детской чепухи,
Шальные игры на поляне,
Святые песни старой няни,
Мои молитвы и стихи.

Пусть ходят сплетни и молва,
Что верю в улочки кривые
И что бесценные слова
Я раздаю, как чаевые.

Прости, мой старый городок,
Ты поступил со мной сурово,
Когда остался я без крова,
Когда надолго занемог.

Но я ещё вернусь сюда,
Где ветхий домик в три оконца,
Где по утрам гуляет солнце,
Где бродят липа и вода.

На верхнем снимке: домик на Крутобережной улице, где родился Николай Кружков; на нижнем снимке – дом на Карповской (бывш. Меленской) улице, в котором жила бабушка поэта, и где маленький Коля проводил лучшие дни своего детства.

Закат переносу на полотно...

(Из раннего)

Иного мне призванья не дано —
И кружатся, и светятся слова —
Закат переносу на полотно
И в сердце открываю острова.

Иного мне призванья не дано —
Природы слушать вкрадчивый язык.
Взойдёт луна в полночное окно,
Скользнёт звезда на тёмный половик...

Я слушаю тревожный пульс души,
Я вижу мир: он тёплый и большой.
И в дремлющей, светающей тиши
Пишу пером, волнением и душой.

Эти мысли я выражу проще

Эти мысли я выражу проще:
Я стою у берёзовой рощи,
У берёзовой рощи моей;
С облаками над Клязьмой-рекою
Я лечу к золотому покою,
Где поёт молодой соловей...

Может, сплю я, и это мне снится,
И пшеница ещё колосится, —
Как иду я вдоль Клязьмы-реки.
Всё, действительно, может быть, проще:
Я стою у берёзовой рощи, —
Надо мной золотые деньки.

Будет купол высокого неба,
Будет запах июльского хлеба,
Будет воздух прозрачен и чист;
Колокольня вызывает к покою.
У погоста, за Клязьмой-рекою,
День прозрачен, кузнечик речист...

Эти чувства я выражу проще, —
Это всё у берёзовой рощи,
У берёзовой рощи моей;
С облаками над Клязьмой-рекою
Я плыву к золотому покою,
Где поёт молодой соловей.

Чуркина поляна

Ах, эта Чуркина поляна!
Мы все сюда приходим рано.
Здесь бродят солнечные блики,
И в травах много земляники.
Здесь воздух чист, а небо ясно.
Здесь всё прозрачно, всё прекрасно,
И над тобой летают птицы,
И можно соснам помолиться.
Как хорошо в лесу сосновом!
Не передать привычным словом.
В душе — такая благодать...
Как это словом передать?
И так на Чуркиной поляне
Мы бродим в утреннем тумане.
Земля пьяна от земляники,
А в травах солнечные блики.
Пусть всё останется, как прежде,
И мы помолимся надежде.
Чтоб это выразить словами,
Сюда вы приходите с нами.
И вы увидите всё это —
Тогда поймёте вы поэта.

В сосновом бору

Я в сосновом бору
В этот матово-розовый час
У погоста стою,
Обнимая пушистую хвою...
Я от Бога беру
Тишину, стерегущую нас,
Золотистую дымку,
Текущую над головою.

В этом старом бору
Горько мечется память моя...
Ей мерещится берег
Короткой, извилистой речки.
Я стою на ветру,
И сквозит голубая струя
За развесистой липой,
И тают зелёные свечи.

Это сердце моё
Обгорает в предутреннем сне.
Это тают вдали
Царскосельского сада аллеи.
И кружит вороньё,
И в шальном шелестящем огне
Оплывают стволы,
От сияющих искр хмелея...

В этом храме зари
Забывает о боли душа
И взывает к любви,
Пребывая в надежде и вере,
И горят алтари,
Рассказать нам о небе спеша,
И дорога вдали
О последней тоскует потере...

Отчего на душе так скверно...

Отчего на душе так скверно?
Проглядел я свой век, наверно,
Просидел, просвистел в кулак...
Нас с тобою ведёт по лесу
То ли к омуту, то ли к бесу
Молодой шальной вурдалак.

Вещий ворон на ель садится,
Лист кружится, и ветру снится
Золотая степная даль...
Были радости, были муки,
Расставания и разлуки,
Одиночество и печаль...

Слышен сосен шёпот горячий -
Встречный голос тоски незрячей...
Мы же пасынки у удачи
И пожухлую рвём траву:
Там, где небо, и там, где поле,
Там, где сила, и там, где воля,
Наша вечно горькая доля
Открывается наяву...

Роща

Хрустальная, прозрачная и светлая,
И с отблесками тающей зари,
Беспечная, заметная, заветная,
Поговори со мной, поговори...

Ах, роща, здесь мелькают отражения
И солнечные блики – на кустах...
И всё это – от головокружения,
Скольжения на розовых цветах....

Летящая, зовущая, звенящая,
Как всё в тебе ликует и поёт!
Ты самая, конечно, настоящая,
Которая всё сердцем отдаёт...

Над белоствольной тишиной...

Над белоствольной тишиной,
Где даль – прозрачная и чистая
И Богородица Пречистая
Встаёт над ясною луной:

Здесь рощ берёзовых не счесть,
Не утаить поля и просеки
И на божественном волосике
Доходит Благодная весть...

И золотой каскад берёз,
Где нам сегодня хорошится
И где Святая Богородица
Не проливает горьких слёз...

И в сердце входит тишина,
Ну, а потом – одноголосица,
И вновь душа на волю просится,
На волю просится она...

Мне снова хочется сюда,
В моё берёзовое пение,
Где обрывается терпение
И льётся чистая вода.

Я слов на ветер не унёс:
Здесь нам сегодня хорошится
И Пресвятая Богородица
Не проливает горьких слёз...

Я вдыхаю суеверней...

Я вдыхаю суеверней
Чистый воздух и покой,
И струится путь вечерний
К колокольне над рекой...

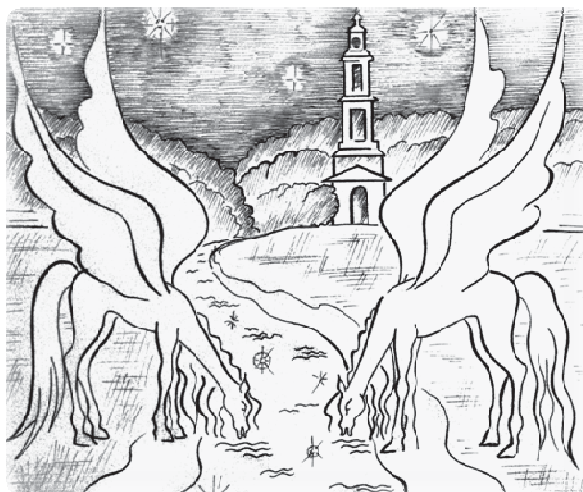
Когда зеркальная тоска...

Виктору Ситнову

Когда зеркальная тоска
Вдоль опустевших стен струится,
Кружится долго у виска
И птицей на сердце садится,

Когда бываю нездоров,
Когда действительность некстати,
Воссоздаю я на закате
Тревожный образ вечеров.

Когда душа твердит одно
И невпопад слова пустые,
Когда в открытое окно
Вползают сумерки густые,
И только кажется: покой...
А впереди друзья и встречи,
И остывающей тоской
Обдаст сгущающийся вечер...

Прогулка

*Сияющее дуновение
божественного ветерка...*

Георгий Иванов

Шли мы с дочкой у реки,
Где гуляют сквозняки,
Где беспечные стрекозы
Прячут грозы в тростники.

И текла, текла река,
И кружились облака,
Только дали от печали
Затуманились слегка.

Лёгкий мостик обветшал,
Но пока ещё дышал:
"Знаешь, дочка, у цветочка
Самый строгий идеал!"

Были мысли все ясны.
Отчего-то вдруг грустны,
Постояли мы немного
У надтреснутой сосны.

Паутинка паука
И прозрачна, и легка...
Что такое вдохновение?
– Дуновение ветерка!

Шли мы долго у реки,
Где гуляют сквозняки,
Где беспечные стрекозы
Прячут грозы в тростники...

Растворилась в природе печаль...

Растворилась в природе печаль,
Божья тварь или злое творенье, –
Мне впервые не хочется вдаль,
Где последнее стихотворенье.

Вот и поле. Повсюду тоска.
И чего бы там ни говорили,
Ворон каркнул почти у виска,
В преисподнюю дверь отворили...

И не смогут помочь мне друзья,
Потому что их больше не стало,
И не стало того Идеала,
По которому мучился я.

И не скроет духовный распад
Мишура оболочки столичной,
Невпопад говорят, невпопад
И спешат к своей выгоде личной.

Где достоинство, совесть и честь?
Что упало – то с воза пропало.
Демократия пошлости есть, –
Вот какая эпоха настала.

И напрасно тоскует душа.
Милосердия нет в этом мире,
И сгорает в бесплотном эфире
Благородство твоё не спеша.

Растворилась в природе печаль –
Божья тварь или злое творенье, –
Мне впервые не хочется вдаль,
Где последнее стихотворенье...

В эти ранние часы...

В эти ранние часы
Над землёю бьются токи....
Каплей утренней росы
Соскользну с тугой осоки...

Небо катится во мгле,
Степь в тоске осиротела:
Распластаю по земле
Я своё большое тело...

Будет воздух течь и течь...
Глаз бежать за тенью зыбкой...
Ляжет медленная речь
Отвлечённою улыбкой...

Дух нырнёт в чертополох,
Ухнет над аэродромом...
Жизнь – один глубокий вздох
Между молнией и громом...

Юность

Отрывок из лирической поэмы

(Из раннего)

Признаюсь вам: язык мой сух,
Житейски прост, обыден, низок...
И если он кому-то близок,
Другим он просто режет слух.

Мой поэтический язык
(Хотя, конечно, вам виднее)
С годами стал ещё беднее,
Но лгать о звёздах не привык.

И, если мучает вопрос,
Я быстро делаю наброски
(И размышляю философски:
Полушутя, полувсерьёз).

Но, если тронется душа,
Слова к чертям летят впустую –
Твердишь пословицу простую
И размышляешь, чуть дыша...

И видишь: жизнь не так легка,
Как нам на первый взгляд казалось,
И радость, что в душе осталась,
Растаяла, как облака.

И ты наедине с собой,
И совесть мучает, быть может,
Ведь нам она всего дороже
(За что ручаюсь головой).

И подступает вновь тогда
Комок удушья (Просто нервы?)
И вспоминаешь самый первый
Свой сон – прозрачный, как вода.

Уйти бы от трескучих фраз,
Бесцветных слов и дел постылых,
А раньше всё иначе было –
Так вот о чём его рассказ!..

Черёмух солнечный настой –
Напиток, сладкий и густой.
И светел день. И жизнь прекрасна.
Любовь кричит ему: «Постой!».

Душистой липы сладкий мёд...
Душа о юности поёт.
Яснее даль... Прозрачней звёзды,
Мир отрешён от всех забот.

Ах, непосредственная страсть,
Что терпкий сок у яблок красть?
В пятнадцать лет легко влюбиться,
И оступиться, и пропасть...

Июня ласковый рассвет,
Весь мир открыт, и жизнь прекрасна.
И эти дни он помнит ясно –
Свою любовь в пятнадцать лет...

И очарованно юна
Была с ним ласкова она,
Из рук тихонько ускользала,
И наплывала... тишина.

Литературой увлечён,
Определял недолго он
Свою судьбу...
Теперь он просто
Житейской прозой утомлён.

Но сердце юное рвалось
От первой боли...
И хотелось
Сказать...
На языке вертелось,
Срывалось,
но не сорвалось...

Как хорошо, что есть душа,
Что чувства есть и есть тревога,
И хорошо, что есть дорога,
И можно ехать не спеша.

Сюжет мой прост, и суть ясна:
Душа болеет светлым чувством,
И может быть, не всё так пусто,
Когда на улице весна.

Когда повсюду шум и гам,
Когда с душою нараспашку
Летишь...
Ненужную фуражку
Бросая к лёгким облакам!..

Вглядись внимательней в себя,
В черты лица – они прекрасны,
К свершенью музыки причастны.
Давно, в рог времени трубя,
Мы откупились от тревоги,
Зачем же повторяют боги –
Вглядись внимательней в себя...
Вот только кто поймёт тебя?..

Душевно юн... Душевно чист –
Где здравствуешь теперь ты ныне?
«Глас вопиющего в пустыне» –
Девиз твой, раненый артист.

И пусть грохочет майский гром,
Июньский дождь идёт каскадом,
И пусть пчела звенит над садом,
И пусть гудит аэродром...

Любовь по-своему права,
Верь, этот мир – душа искусства,
Пусть светят искренние чувства
И льются добрые слова...

Душа... Куда она рвалась,
Кого искала в небе звёздном?
А вдруг – ничто ещё не поздно
И жизнь, быть может, удалась...

«Жажда видеть Бога...» **(Феномен творчества и личности поэта)**

Поэты – «товар» штучный. Они по городу стадом не табунытся, не выстраиваются в колонны по четыре для демонстраций, не сбиваются в «бригады», не лезут во власть. Стайное существование не для них. Они самодостаточны и к людям «выходят» с совершенно конкретной миссией, как посланники свыше. В гениальном и программном стихотворении «Пророк» Александр Сергеевич Пушкин раз и навсегда определил эту миссию призывом Творца:

*« ...и виждь, и внемли,
Исполни волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Но чтобы жечь сердца других людей глаголом (т.е. Словом), необходимо самому иметь сердце, как *«уголь, пылающий огнём»*, обострённое духовное зрение и слух, обнаженные нервы и дар владения магией Слова. Необходимо в своей брэнной плоти родиться (или переродиться) заново. Это одновременно Божий дар и крест для избранного человека. Крест этот нелегок и потому дается немногим людям, да и те не всегда в полной мере справляются с этой миссией.

Поэзия – это и искусство, и образ мышления, и способ творческого существования, а не просто рифмоплётство. Сочинять под рифму нынче может научиться и школьник, и пенсионер – была бы охота. При этом многие величают себя поэтами, или это звание им охотно присваивают родственники либо доброжелательные соседи. И тогда хочется задать вопрос таким стихотворцам: «Если ты Поэт, то кто же тогда Пушкин, и в чём между вами разница?»

Много ли поэтов живет в нашем городе? Как-то в воскресный день я опросил около сотни горожан разного возраста и профессий, включая школьников и студентов – знают ли они местных поэтов? Оказалось, что более половины не знают никого: примерно треть назвала своих близких родственников, приятелей и собутыльников. И только один из десяти (в основном, гуманитарная интеллигенция и старшеклассники) назвали людей, которые действительно имеют отношение к поэтическому творчеству, а имён этих было не более пяти, т.е. хватило пальцев одной руки, чтобы пересчитать. И в большинстве случаев одним из первых в этой пятерке называлось имя Николая Кружкова.

Как филолог, пятнадцать лет руководивший городским литературным объединением и знакомый с сотнями пишущих в рифму, могу ответственно и уверенно сказать, что Николай Николаевич Кружков – Поэт с большой буквы. Заявляю это с радостью и гордостью за своего земляка. В июле 1953 года щедрая на таланты древняя Вохонская земля подарила Отечеству ещё одного «поцелованного Богом» замечательного Поэта и Гражданина.

Его имя переживет не только наше поколение, по той простой причине, что уже на сегодняшний день Николаем Кружковым, помимо лазерного диска, выпущено пять поэтических сборников, наполненных Прекрасным, Разумным, Добрым и Вечным. Это своего рода многостраничные лирические исповеди: «Откровение» (1992 г.), «Избранное» (2000 г.), «В начале было Слово» (2003 г.), «Лирика» (2004 г.), «Признание в любви» (2005 г.).

Казалось бы, Поэт «озвучивает» свои личные мысли, чувства и образы бытия, но в том-то и заключается секрет и феномен истинного Искусства, что созданное по его законам живою трепетною душою художественное произведение при чувственно-эмоциональном восприятии и сопереживании становится частью духовного опыта других людей. Чем совершеннее произведение (как бы арифметическое произведение авторского душевного заряда на высокохудожественную форму по законам гармонии), тем продолжительней и действенней его энергетика. При этом самому автору не до формул... Мастер, пребывающий в состоянии вдохновения, испытывает захватывающую его радость свободного творчества. Но бывают и муки творчества...

Мало сказать, что Николай Кружков испытал все это. Он пребывает в творческом состоянии постоянно. Посвященный в Слово, он служит ему всю сознательную жизнь. Поэзия стала оправданием и смыслом его земного существования:

*Иного мне призванья не дано:
И кружатся, и светятся слова,
Закат переносу на полотно
И в сердце открываю острова.
...Я слушаю тревожный пульс души,
Я вижу мир – он теплый и большой.
И в дремлющей, светящей тиши
Пишу пером, волнением и душой.*

Это одно из ранних стихотворений Н. Кружкова с предельной искренностью и откровенностью обнажает процесс постижения молодой одаренной душой гармонии мира и магии творчества («Я не волшебник: я только учусь»). Постигание Поэтом красоты, гармонии и сложности Мира продолжается всю жизнь. «Инструментом» этого познания стала для него По-

эзия. Кто же изначально вывел его на первую поэтическую тропинку? Кто помог ему открыть в себе ниспосланный свыше Дар?

Отвечая на этот вопрос, Николай Николаевич всегда с неизменно светлым чувством благодарности вспоминает свою любимую бабушку Лидию Антоновну (1903-1972). Это была высокодуховная, одаренная натура с ярко выраженным педагогическим талантом, что позволило ей уже в пятнадцатилетнем возрасте по рекомендации Н.К. Крупской руководить детдомом в Большом Дворе. Именно от неё, учителя русской словесности, маленький Коля услышал первые сказки, стихи и молитвы, получил истинную духовную прививку на всю жизнь.

В пятилетнем возрасте Коля умел читать, а перед школой уже знал наизусть всего Лермонтова. Понятно, что на уроках литературы он получал самые высокие оценки. В его дневнике можно было не раз увидеть отметку «пять с плюсом», которой официально не существовало, и в журнал представлялось просто «пять». Значительное влияние на развитие творческих способностей Николая в старших классах школы №18 оказал преподаватель литературы и известный в городе поэт Валентин Купцов. Но нередко талантливые ученики идут дальше своих учителей...

В тринадцать лет у Н. Кружкова рождались уже свои довольно приличные стихи, а к окончанию школы он уже твердо решил, что станет поэтом или писателем. Тогда он ещё не знал, что поэтами просто по желанию не становятся. Не знал, что желание и труд – это второе условие, а первое – все-таки Талант (Божий дар). К счастью, дарование у Николая было, поэтому все остальные усилия по освоению мастерства дали желанные плоды.

Но путь к вершинам и успеху был довольно длительным. Первое стихотворение в печати появилось у Н. Кружкова только в 1976 году уже по окончании филологического факультета ОЗПИ. Но зато эта публикация появилась сразу в «Московском комсомольце», что было весьма престижно и показательно! Немногие в городе могли похвалиться таким успехом, который был вполне заслуженным.

На «поэтическом небосклоне» нашего района вспыхнула новая заметная «звезда». Быстро набирая силу и высоту, новая звезда прошла сквозь наше литобъединение, долго в нем не задерживаясь. Если Николай и приходил на занятия ЛИТО, то не как ученик, а как молодой мастер с профессиональными советами и докладами, обзорами и лекциями, которые привлекали массу дополнительных слушателей, включая партийно-комсомольских чиновных лиц...

Талант Николая проявлялся не только в поэтическом мастерстве, но и в феноменальной памяти на стихотворную классику. Мы проводили интересный опыт: предлагали Кружкову стихотворную строку наугад из десятков поэтических сборников русских авторов, и он мгновенно определял ав-

тора, называл стихотворение и на память дочитывал его до конца, к неизменному удивлению и восторгу присутствующих. Позже подобные эксперименты с ним проводила и его дочь Элеонора (выпускница филфака ОЗ-ПИ). Оказалось, что Николай Кружков знает наизусть и может воспроизвести по памяти около семи тысяч стихотворений (в т.ч. более тысячи своих!) Явление совершенно уникальное, достойное книги рекордов Гиннесса.

Литературно-просветительская деятельность Кружкова заслуживает особого внимания и благодарности земляков. Он более двадцати лет являлся бессменным руководителем и ведущим городского поэтического клуба «Лирика», открытого в 1980 году в ДК им. А.С. Потапова по инициативе работавшей тогда библиотекарем Галины Журавлевой. В разное время в творческую группу клуба входили энтузиасты своего дела: Н. Каталов, О. Зимина, А. Николаев, В. Волкова, С. Каталова, И. Баданина, Е. Каталов, Э. Соков. За 22 года работы своего клуба Н. Кружков организовал и блистательно провел более 300(!) музыкально-поэтических вечеров, дающих огромный духовно-эмоциональный заряд слушателям.

Сначала вечера проводились в ДК им. Потапова, затем 10 лет в ДК «Октябрь» и чуть меньше в Павлово-Покровском ДК. Много выступлений было сделано на выездах, в других городах. Однако, вернувшись в свое «родовое гнездо» (ДК им. Потапова), клуб «Лирика» из-за изменившегося режима нагрузок «приказал долго жить»...

Но Николай Кружков продолжал творить, ибо это его человеческая и гражданская миссия. А зарабатывать на хлеб насущный ему приходилось напряженным и не всегда благодарным преподавательским трудом, в котором он тоже весьма преуспел.

О поэте Кружкове снято уже шесть видеофильмов и написаны десятки статей. Но все это – лишь попытки приблизиться к пониманию его творчества и судьбы. Масштабность и глубину этой личности нам еще только предстоит оценить по-настоящему. Думаю, что и потомкам будет над чем поразмышлять.

Только вдумчивое и неспешное погружение в лирические произведения Кружкова поможет заинтересованным искателям истины понять духовное бытие Поэта и через него узреть философское и художественно-эмоциональное отражение нашего общего бытия в кризисно-драматичную эпоху тяжело больного и суетного мира...

Возможно, для неподготовленных или суетных душ поэзия Н. Кружкова поначалу может показаться сложноватой. Его стихи нельзя читать на бегу или по диагонали. Это не «Дядя Степа» и не шлягеры из трех слов. «Служенье муз не терпит суеты» – формула, соответствующая творчеству Кружкова. Он, в отличие от других, меньше всего думает о рифмах, ибо не

они определяют поэтический заряд произведения. Гимн государства тоже написан стихами, но о принадлежности его к Поэзии можно поспорить. Представьте себе человека, энергично и самозабвенно распевającego Гимн в ожидании электрички на железнодорожной платформе в зимний день. Очень сомневаюсь, что в этот момент на плечи или ладони означенного патриота слетятся синицы с ближайших деревьев. А вот к Николаю *«на обмороженной платформе»* слетели-таки пугливые, но доверившиеся ему синички в тот момент, когда он согревал свою душу красивыми, горячими и светлыми стихами, посвященными своей Возлюбленной. Божьи птички распознали Божьего человека и потому доверились Поэту.

Быть Возлюбленной Поэта – сложно, ещё труднее и ответственнее быть его женой. На такой духовный подвиг способна не каждая женщина. Если она будет постоянно ревновать своего мужа к своей вечной сопернице Музе, пытаться «запрячь» его в бытовые заботы и работы, да ещё требовать приличного заработка – конфликт обеспечен и гарантировано вечное взаимонепонимание вплоть до разрыва...

Мир и любовь может спасти и сохранить только мудрое терпение или беззаветное служение таланту супруга, духовная близость, взаимопонимание, отсутствие доминирующего комплекса «привязки» к вечному обустройству и переустройству быта. Например, от Николая Кружкова нельзя ждать адекватной оценки чайной заварки, когда в его голове – одновременно Анненский, Гумилев и Мандельштам, а в душе «ангелы поют» или вселенская скорбь и печаль по обречённому человечеству...

Поэт – существо «незаземлённое», в бытовом отношении непрактичное. На материальный мир он смотрит сквозь магический кристалл высоких духовных идеалов. Материальная оболочка его мается и страдает всеми недугами и болями эпохи, а духовная сущность постигает первопричины дисгармонии мира и трансформирует своё видение, чувства, мысли в художественной форме – поэтическом слове.

Поэт как бы выпадает, высвобождается душой из дежурных тисков социальной «матрицы», исполняя миссию вечного Нео – подлинного видения и постижения бытия, а также гласа попоранной Истины.

Продолжительное близкое сосуществование рядом с Поэтом может просветить человека, ищущего истину, а может вызвать комплекс тревоги, психического дискомфорта и отторжения у обывателя, исповедующего личный покой и материальный достаток любой ценой. Для первых – Стихия, для вторых – стихи. У поэта Кружкова стихов нет. За конкретными явлениями жизни он зрит их общечеловеческий философский смысл – как правило, печальный. Отсюда минорное настроение в большинстве произведений.

Размахивание флагом не его амплуа, и барабанный бой – тоже. Ура-патриотическим виршам некоторых стихотворствующих граждан Поэт противопоставляет иные строки: «Мой ветхий деревянный дом», «Тоска на Старой Вохне, когда слеза не сохнет», «Наша вечно горькая доля», «Огрызается век-наркоман», «Жизнь как в сплетне – вкривь и вкось», «Мир на кресте отчаянья распят», «Мы под сердцем всё это храним», «Пора мученью положить предел», «Где достоинство, совесть и честь?», «Мы у разбитого корыта», «Мир рвётся на куски»...

Однако Н. Кружков не законченный пессимист. Он видит спасение человека в деградирующем социуме через духовное самосовершенствование, через христианские добродетели: Веру, Надежду, Любовь. Эти добродетели помогают и самому поэту выживать в больном мире. Религиозная лирика занимает большое место в творчестве Кружкова, который постоянно обращается к Всевышнему за советом, защитой, помощью в обретении душевной крепости и духовной зоркости. Без этого поэт не мыслит своего существования: «Бога нет – и поэт умирает». Для него **«жизнь не самоцель, а жажда видеть Бога»**. Философская глубина этих строк поражает. Тайна, смысл и цель бытия – главный предмет художественного исследования Н. Кружкова. Отсюда – глубина и значимость его поэзии, а самая любимая и главная для него книга – Библия.

Поскольку каждая встреча с философской и религиозной лирикой такого серьезного автора требует последующего осмысления, анализа, неспешного погружения в художественную ткань произведений, то подобные свидания с высоким Искусством не могут и не должны быть частыми, чего, однако, требовали планы и графики работы последнего ДК, приютившего клуб «Лирика». Вдохновение не уживается с расписанием. Творчество нельзя ставить на конвейер. Не выдержав предложенного графика работы, клуб вынужден был прекратить свои ежемесячные встречи с любителями поэзии. Но незапланированные творческие контакты Н. Кружкова с людьми, «томимыми духовной жаждой», продолжают.

К похвалам Николай Николаевич относится спокойно, хотя не лишен некоторой доли честолюбия. Это качество не следует путать с гордыней, являющейся грехом, поскольку человек пытается безосновательно возвысить себя над ближними, тем самым, унижая их. Многие принимают за честолюбие естественную (иногда страстную) потребность Поэта (Художника, Музыканта и т.д.) привлечь к себе внимание окружающих, чтобы поделиться с ними сокровенным и важным, что открыто, постигнуто или сотворено талантом с благословения Всевышнего. Пророки должны быть услышаны. Внемлите Поэтам! Цените и берегите истинных Художников, господа, чтобы потом не пришлось сетовать:

***«И было в нём что-то от бога,
Которого мы разменяли...»***

Аудитория для Кружкова – не возможность встать «в позу», а возможность подарить труд своей искренней и чуткой души ближним. У поэта душа трудится и день, и ночь, а потому всегда полна высокой энергией, предназначенной людям. Мы уже говорили, что Творчество для Николая – единственно возможный и приемлемый способ существования, обусловленный особым зрением и языком души. «Как он дышит – так и пишет» сказано именно о таких, как Н. Кружков.

И так называемая гражданская профессия (или специальность) мало влияет на подлинную духовную жизнь одарённого человека. Обстоятельства сложились так, что Николаю, осознавшему себя поэтом в 13 лет, затем во «взрослой» жизни пришлось работать и учителем, и воспитателем, и оператором вакуумного напыления (на заводе «Экситон»), и товароведом-снабженцем-грузчиком («борт»-инженером), и литсотрудником в газете, и инструктором ГК ВЛКСМ, и ответственным секретарем общества книголюбов, и пресс-секретарем мэра, но поэтом он быть не переставал нигде и никогда. Поэт – он и в Африке поэт...

Как-то один местный дилетант от культуры в приватной беседе «озвучил» свое нелепое мнение, что Н. Кружков на большого поэта «не тянет», поскольку ему недостает соответствующей Судьбы. С дилетантами как духовными дальтониками спорить бессмысленно и не надо. Мудрые же люди понимают, что не судьба «делает» поэта, а Поэт (как Божий избранник) делает Судьбу. Поэт – это уже Судьба, Путь...

Лёгкой и простой судьбу Николая Кружкова не назовёшь. Старший из четырёх детей в семье – это уже «прививка» ответственности за других, самостоятельности, трудолюбия, скромности, разумности в запросах и потребностях. Мама Антонина Александровна (1923 г.р.) даже на пенсии еще 20 лет проработала медсестрой, а отцу Николаю Алексеевичу (1927-1996 гг.), преподавателю иностранных языков, для обеспечения многодетной семьи приходилось постоянно брать подработку в разных школах города. Кодекс совести, чести и благородства был привит добрыми родителями всем детям.

Исповедуя этот кодекс в жизни, Николай Кружков не раз попадал в конфликтные ситуации, выступая за справедливость. Так, за открытый протест против телесных наказаний подростков в СПТУ (Крупино) и за «пропаганду» прогрессивных поэтов демократической волны (Высоцкий, Бродский, Галич, Окуджава и др.), педагог Кружков был объявлен диссидентом и, несмотря на то, что вывел свой отряд в образцовые, не раз вызывался в КГБ и, в конце концов, был уволен из колонии как нежелательный (не прогнанный) конфликтный «элемент». Таковы были неписанные законы советского времени.

Характерно, что Кружков не сломался и остался верен своим высоким идеалам и дожил до времени, когда его опять пригласили во властные ор-

ганы, но уже на должность инструктора ГК ВЛКСМ. Однако и здесь его творческую инициативу терпели всего один год и затем, под благовидным предлогом предложили другую работу – ответственного секретаря городского отделения Всесоюзного общества любителей книги (ВОК). Но зато здесь творческие способности Николая, его интеллект и инициативность проявились в полной мере. В областном руководстве ВОК профессиональный «рейтинг» Кружкова оставался самым высоким целых 10 лет!

Многие из выдающихся деятелей культуры приезжали в наш город только потому, что «процедуру» их приглашения брал на себя Н. Кружков. Поддаваясь обаянию его нестандартной личности, интеллекта и эрудиции, корифеи театра и кино, маститые писатели и поэты неизменно «уговаривались» на выступления в Посаде. Был забавный и показательный случай, когда приглашенный на встречу с местными книголюбями популярный актер и поэт Леонид Филатов, увлеченный полуторачасовой беседой с Кружковым в машине по дороге из Москвы, вообще забыл, зачем он приехал в Павловский Посад. Его удовольствие и удовлетворение от общения с талантливым человеком отодвинули тщеславие и личные амбиции артиста на второй план...

В буреломе и неуправляемой стихии ельцинских реформ погибло немало полезных общественных формирований, в т.ч. и Всесоюзное общество книголюбов. Как и многие советские интеллигенты, Н. Кружков стал жертвой «непродуманных» социальных преобразований, попал в число огромной массы живых человеческих «издержек» на пути дикого капитализма в России.

Слава Богу, что Николай смог воспользоваться своим педагогическим опытом, и ему, в отличие от некоторых знакомых интеллигентов (включая автора этих строк), не пришлось ради хлеба насущного выходить с лотком или раскладушкой на рынок, чтобы торговать всякой мелочевкой и терпеть унижения от оборотней в форме...

Более десяти лет Н. Кружков успешно сочетал педагогическую деятельность с литературным творчеством. Последнее приносит ему духовное удовлетворение, но не материальные блага. Тиражи всех поэтических сборников были в основном раздарены автором друзьям и знакомым. В практичном подходе к реализации своих произведений Кружкова «не упрекнёшь»...

А чтобы заработать на хлеб насущный, поэт вставал в 5 утра, а то и раньше, собирал книги, тетради, бежал на электричку и ехал за десятки километров преподавать школьникам русский язык и литературу, и все, что понадобится. Кроме этих коронных предметов в его арсенале еще были: история, граждановедение, риторика, краеведение, основы русской религиозной философии, основы нейролингвистики и еще вагон разных фа-

культативов. Интеллект и эрудиция при огромном опыте общения с разными категориями людей всегда позволяли Николаю Николаевичу успешно находить общий язык, как с детьми, так и с их родителями. Его авторитет в школе был непререкаем, но ходить в кумирах дело трудное и хлопотное, отнимает массу душевных и физических сил. Стихи приходилось писать в электричках.

Домой он приезжал к вечеру. От перенапряжения гудела голова и поднималось давление, но его еще ждала проверка тетрадей и подготовка к завтрашним урокам. Глухой ночью он, переутомлённый, падал в постель, чтобы снова встать к пяти. Такую «поденщину» выдержит не каждый, но надо было выживать, помогать маме, дочке...

Несмотря на суетное людское окружение, Поэт все-таки, в сущности, всегда одинок... Иногда это скрытое состояние, но порой обнаруживает себя в конкретных ситуациях. Вспоминается, как в июле 2003 года к просьбе о материальной помощи для подготовки 50-летия поэта многие из местных предпринимателей оказались глухи. А я бы добавил еще и «слепы». Ибо их «камень в протянутую руку» – есть своего рода приговор к забвению самих себя. Расшифровывать не буду. Те, кто не понял, пусть прочитают Евангелие.

Но есть ведь и другие примеры имен благотворителей поэта: Александр Агуреев, семья Побережских, Сергей Собко... Это проявление подлинно высоких человеческих отношений как в христианском, так и в гражданском смысле. Эта конкретная помощь ближнего не будет забыта, ибо материализована в причастности к Вечному – к созданию величайшего духовного и рукотворного чуда – Книги. Имена благотворителей будут всегда заслуженно вспоминаться рядом с именем талантливого автора.

Не исключено, что придет время, когда спонсоры встанут в очередь на благотворительство знаменитому земляку, но тогда запоздалая искупительная «дань» может быть и не принята Поэтом, и останутся наши «новые» без индульгенций и без оправдания...

Ну а пока Н. Кружков, хранимый и ведомый Божиим Промыслом, продолжает творить замечательные стихи в старенькой маминой квартирке (где температура в январе 2006 г. опускалась до -2°C). На компьютер он не накопил, и, в отличие от автора этих строк, у него никогда не было даже пишущей машинки. Свои лирические исповеди он привычно увековечивает простой шариковой ручкой, которую уважительно и возвышенно называет «пером» (*«Пишу пером, волненьем и душой»*). Да что там компьютер – у неприятельного в материальном плане Поэта много чего нет...

Были времена, когда иногородние школьники, влюблённые в своего уникального педагога, по собственной инициативе пытались неумело набирать на домашних компьютерах стихи Кружкова в качестве юбилейных

сувениров. Ведь из примерно 1200 созданных произведений нашего поэта в изданных сборниках опубликовано не более трети. Однажды хороший знакомый Н. Кружкова, руководитель электрогорского литобъединения М.В. Шариков набрал на компьютере целый сборничек духовной лирики Николая, но средств на издание сборника до некоторых пор не было, пока не появился Сергей Собко...

Только духовное возрождение спасет Отечество. В этом ключе творчество таких одаренных людей, как Николай Кружков, обретает сегодня особый смысл и значимость.

Виктор Ситнов, филолог

Содержание

«Святая родина моя...»

«Лирическая летопись моя...»	3
«Мой город древний...»	3
Святая Родина моя	4
«Это – детство мое...»	5
«Воспоминания... Осколки»	5
«Вдоль Клязьмы-реки да вдоль Вохны-реки...»	6
Меленки.....	7
На старой Вохне	7
Храм Рождества Богородицы.....	8
Назарьево	9
Светает у монастыря	10
«Поля в рассветной дымке... »	11
«Мой ветхий деревянный дом...»	12

«Закат переношу на полотно...»

«Иного мне призванья не дано...»	14
Эти мысли я выражу проще	14

Чуркина поляна	15
В сосновом бору	16
Отчего на душе так скверно	17
Роща	17
Над белоствольной тишиной	18
Я вдыхаю суеверней.....	19
Когда зеркальная тоска.....	19
Прогулка.....	20
Растворилась в природе печаль	21
В эти ранние часы	22
Юность (Отрывок из поэмы)	22
«Жажда видеть Бога...» (В.Ситнов)	26

Литературно-художественное издание

Кружков Николай Николаевич

Лирическая летопись моя

Сборник стихов

Авторы графических заставок: Л. Быстранова, Н.Губанова, Н.Семёнова.

Составитель и редактор В.Ф. Ситнов.

© Кружков Н.Н. Лирическая летопись моя, 2013 г.

© Ситнов В.Ф. Идея проекта, макет, оформление, заключ. статья, 2013 г.